

— После увольнения какие планы?

— Не знаю, — тихо ответил Цзян Шуньань. — Ничего не буду делать. Буду киснуть, пока не помру.

— Разве ты не договорился с одной студией?

Цзян Шуньань вздрогнул, настороженно посмотрел на Вэй Цзинжуна:

— Откуда ты знаешь?

— Это важно?

— Тебе нравится играть в слова?

Вэй Цзинжун легонько вздохнул:

— Твои друзья заботятся о тебе больше, чем ты думаешь.

Цзян Шуньань отвернулся, избегая взгляда Вэй Цзинжуна:

— Эта языкатая...

Цзян Шуньань замолчал, подумав немного, снова спросил:

— Сколько ты обо мне знаешь?

— О тебе? — Вэй Цзинжун посмотрел на него. — О каком «тебе»? О Цзян Шунань или о Сюй Жане?

Цзян Шуньань презрительно усмехнулся, но при движении губами почувствовал резкую боль:

— А ты не боишься, что я мошенник?

— Чтобы обмануть других, сначала нужно обмануть себя.

— Я бы и правда хотел быть мошенником.

Цзян Шуньань свернулся калачиком и беспомощно опустился на диван. Со спины он выглядел как обиженный ребенок.

— Рассказывай.

— О чем рассказывать? — Цзян Шуньань пошевелился. — Что тут рассказывать? Вещи уже случились, говорить об этом бесполезно.

— Ты просто не ценишь счастье, которое у тебя есть.

Цзян Шуньань фыркнул:

— Давай поменяемся местами, тогда посмотрим, легко ли будет говорить.

Вэй Цзинжун не ответил, задумчиво глядя на фоторамку на своем письменном столе.

— По крайней мере, тот Ши Лэй еще жив. По крайней мере, у тебя есть шанс начать всё

сначала. Когда человек умирает, всё кончено, а у тебя две жизни. Чего тебе ещё не хватает?

— У тебя сердце большое.

Вэй Цзинжун ничего не сказал, поставил фото обратно на стол и посмотрел на Цзян Шуняня:

— Та студия неплохая. В конце концов, быть своим собственным начальником, работать на себя всегда лучше, чем на других.

— Ладно, неинтересно. — Цзян Шуньянь покачал головой.

Хотя он не хотел этого признавать, но после того как Вэй Цзинжун его так проучил, он всё осознал.

С его способностями он мог бы начать всё сначала. Чем бы ни занялся, если не дизайном, то с его уровнем английского заработать на хлеб было бы совсем несложно.

А всё, чего он хотел, — это вернуть себе личность Сюй Жэня. Хотя его внешность и тело изменились, его сердце и его мышление оставались Сюй Жэнем.

Его нынешний путь — это путь, который Сюй Жэнь уже прошел однажды. Он не мог отпустить это. Но какой смысл теперь яростно цепляться за прошлое?

Вернуть Ши Лэя?

У него была моральная чистоплотность. Даже если бы он вернул его, это только углубило бы пропасть в душе.

Разрушить Инь Ци?

Хе-хе, это же бесстыжее, беспринципное и наглое чудовище. Победив его, он не вернет то, что потерял.

Раз уж так, то какая необходимость держаться за этот обиду?

Лучше просто оставить это. Возможность переродиться один раз крайне редка, продолжать мучить себя — значит идти против себя. Лучше сменить образ жизни.

Триста шестьдесят профессий — чем бы ни заниматься.

Это преимущество одиночества.

Подумав об этом, Цзян Шуньянь не удержался от улыбки, но едва губы шевельнулись, как боль пронзила снова — это было просто невыносимо!

Этот Вэй Цзинжун, ударил слишком сильно!

Но эти удары и пинки отрезвили его. Болью вернули в реальность, и он уже не хотел копить обиду.

Цзян Шуньянь взял полотенце и аккуратно промокнул уголок рта.

Всё ещё болело, но ноги чувствовали себя немного лучше.

— Господин Вэй, а, наверное, я в последний раз так вас называю. Уже поздно, магазин закрыт, мне пора уходить. Зарплату за этот месяц можно не давать, но хотя бы на лекарства дадите?

Вэй Цзинжун встал, достал из кошелька несколько красных купюр.

Цзян Шуньянь попытался встать, чтобы взять их, но колени подкосились, и он рухнул на пол, даже не успев выпрямиться.

— Держи, это всего лишь несколько сотен, не стоит так волноваться. — Вэй Цзинжун подхватил Цзян Шуняня.

— Хех, спасибо.

Цзян Шуньянь взял деньги и пошел к выходу, хоть и хромал так медленно, что его обогнал бы ползущий человек.

— Иди домой, отдохни пару дней и выходи на работу.

— Что?

Цзян Шуньянь вскрикнул, но дернул уголком рта, и от боли у него на глазах тут же выступили слезы.

— У тебя повреждены только глаза, уголок рта, запястья и колени. Я не помню, чтобы ты уши тоже сломал.

— Я сказал, что увольняюсь.

— А я сказал, что не разрешаю.

Вэй Цзинжун не обращал внимания на его возражения, взял документы, которые Цзян Шуньянь ранее бросил ему, добавил кое-что и снова сунул ему в руки:

— Дома о постороннем не думай. Когда вернешься, план должен быть готов.

— С какой стати? Я что, тебе продался?

— На том основании, что ты сейчас работаешь в моем подчинении.

— Твою мать...

Не успел он договорить, как кулак Вэй Цзинжуна снова замахнулся в его сторону.

Только на сей раз он не ударил по-настоящему, а лишь промахнулся мимо самого уголка рта Цзян Шуняня.

— Продолжай.

Цзян Шуньянь отвернулся, поспешно уклоняясь от зоны атаки, но в душе уже проклинал его тысячу раз.

— Тебе нужно только предоставить план. На переговоры можешь не ходить.

Вэй Цзинжун убрал со стола, взял ключи и собрался уходить.

— Пошли, подвезу тебя. Если план не будет готов, не жди, я сам тебя уволю.

Цзян Шуньянь сжимал документы и молча шел за Вэй Цзинжуном.

— Хм, скотина!

— Ой, умираю, умираю...

Шу Мужуй вернулась с работы и сразу направилась в комнату Цзян Шуняня. Не обращая внимания ни на что, она повалилась на кровать и начала стонать, так что невозможно было проигнорировать.

— Ты что... Что с твоим лицом?

Лицо Шу Мужуй было темно-синим, и Цзян Шуньянь на самом деле испугался ее вида:

— Ты что-то не то съела или отравилась? Может, вызвать скорую?

Цзян Шуньянь уже собирался звонить, но Шу Мужуй, беспомощно лежа на кровати, застонала и хлопала по одеялу:

— Вернись, вернись, не так всё страшно. Просто похмелье.

— Похмелье? И в таком состоянии? Ты что, поддельное пила?

— Да? — Шу Мужуй задумалась, глядя рассеянным взглядом. — Кажется... Тот ларек у дороги, скорее всего, был грязным.

— Эх, ты сама себя мучаешь.

Цзян Шуньянь покачал головой, усмехнулся и вернулся к столу, чтобы разобрать документы, которые принес от Вэй Цзинжуна.

Это были не только планы дизайн-компании, но и подробное описание «Лазурного берега»: не говоря уже о блюдах и напитках, там были даже первоначальные дизайнерские проекты и чертежи строительных работ.

И еще одна не слишком толстая книга — история ресторана.

Сказать «история ресторана» — это громко, это была скорее самодельная тетрадь.

Темно-синяя, как морская глубина, обложка с тиснением золотом, потускневшим от времени. Тусклая и сдержанная, она уже не сияла, но приобрела оттенок суровости и древности.

Ощущение старины.

Листая страницы, ощущалась их плотность, бумага слегка пожелтела. Сине-черные чернила аккуратно выстроились в строки на линованной бумаге. Каждая линия была написана от руки: время, дата, концепция и накопившиеся изменения.

«Лазурный берег», возможно, не просто ресторан.

Это единственная мысль, которая пришла в голову Цзян Шуняню.

Но самым характерным были фотографии сотрудников внутри.

На снимках за первые годы он никого не узнал. Знакомые лица появились только на фотографиях за последние два-три года.

Вэй Цзинжун был везде. Но на фото он был одет не в строгий костюм, а в белую поварскую форму.

Цзян Шуньяню стало любопытно, он приподнял книгу и внимательно разглядывал. Такого Вэй-шкурода он видел впервые.

Работая в «Лазурном берегу» так долго, он никогда не видел Вэй Цзинжуна в поварской форме. Целый день то костюм, то рубашка, угловатый, его аура «чужак не подходит» была просто пугающей.

Но, похоже, поварская форма не прибавляла ему дружелюбия, всё оставалось как было.

Цзян Шуньянь отложил книгу, закрыл глаза и, откинувшись в кресле, начал крутиться.

Сначала он думал, что Вэй Цзинжун просто владелец, который сидит и считает деньги.

Ведь многие такие: инвестируют, нанимают менеджера, сами уходят в сторону и следуют принципу «три не вмешиваюсь».

Иногда могут заглянуть проверить выручку или поесть с друзьями, а в остальное время их не видно. Те, кто управляет удаленно по телефону, уже считаются заботливыми.

Автор хочет сказать:

Обновление, прошу кликов и добавлений в закладки!

Маленькая сцена:

Цзян Шуньянь: Ты ударил слишком сильно.

Вэй Цзинжун осторожно наносит лекарство: Если бы не сильно, ты бы не запомнил.

Цзян Шуньянь: Что запомнил?

Вэй Цзинжун: Шалить можно. Уходить — в этой жизни забудь.

Цзян Шуньянь: ... Я имею право хранить молчание.

Все второстепенные персонажи: Господин Вэй, вы великолепны! Да здравствует господин Вэй!

<http://bllate.org/book/16592/1516378>